2017 Том 10 No. 56

Гусельцева М.С. Текучая повседневность: маркеры изменений

-

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. ТЕКУЧАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: МАРКЕРЫ ИЗМЕНЕНИЙ
English version: Guseltseva M.S. A volatile everyday life and ways to study the changes

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия
Федеральный институт развития образования, Москва, Россия
Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Сведения об авторе
Литература
Ссылка для цитирования

Возникновение психологии повседневности в качестве нового исследовательского направления обусловлено тремя факторами: общей логикой развития науки, вызовами конкретной социокультурной ситуации и эпистемологическими поворотоми в научном сообществе. Историко-методологическими предпосылками психологии повседневности являются появление антропологической оптики, фокусирующей взгляд на феномене человека, на изменениях его субъективности, динамике культуральных движений и социальных групп, на разнообразии жизненных стилей в современном обществе. Социокультурные предпосылки сводятся к общей гуманизации культуры и значимости в психологии ее текущих трансформаций (ведущих трендов). Эпистемологические предпосылки представляют собой дизайн методологических поворотов и исследовательских стратегий, позволяющих исследовать взаимопревращения субъективности и повседневности с позиций роста разнообразия, неопределенности, сверхсложности. Интерес к повседневности возникает прежде всего там, где изменения вторгаются в субъективный мир человека и трансформации бытовых норм становятся предметом осмысления. Сдвиги повседневности совершаются незаметно как для обывателя, так и для исследователей. Наиболее эффективным средством анализа здесь становится этнографический метод, обретающий статус трансдисциплинарного в социогуманитарном познании. Изучение повседневности раскрывается как трансформация социальной реальности, выделение в ней ведущих социокультурных тенденций; как анализ современности с позиций ее неоднородности и противоречивости. Сила слабых связей, «гибкая сила», движение от парадигмы конфликта к солидарности, цивилизационные тренды гуманизации и глобальное снижение насилия рассматриваются здесь как значимые характеристики повседневности. Современность мозаична и гетерогенна: это одеяло неравномерно покрывает все уголки планеты, в нем достаточно дыр, через которые проглядывают традиционные и архаичные образы жизни. Изучение повседневности выводит на передний план феноменологию маргинального поведения, соединяя незаметное и экстраординарное, рутинное и спонтанное, рассматривая разнообразие как норму жизни. Для отслеживания текущих трансформаций необходимо изменение прежних схем мышления, а также сочетание разных маркеров, привлечение исследовательских стратегий смежных наук.

Ключевые слова: психология повседневности, методология, современность, трансдисциплинарность, транзитивное общество, субъективность, этнографический метод

Эволюция развития научного знания демонстрирует примеры превращения некогда неординарных исследовательских проектов в типичные познавательные практики; малых, слабых и маргинальных линий культуры («прожилок на мраморе») – в крупные и сильные мейнстримные потоки, где при очередном повороте *последний верблюд оказывается впереди каравана*. Так, представление об эвристичности трансдисциплинарности в современной науке, необходимость анализа социокультурного контекста для понимания текущих событий, неизбежность осваивать и использовать в исследовании методы смежных наук незаметно сделались повседневным опытом психологии. «Социальная реальность не делится по факультетам, а потому серьезным экономистом может стать лишь тот, кто знаком с социологией и психологией» [Федотова, 2010, с. 85], – несмотря на то, что в приведенной цитате речь идет о профессиональной идентичности экономиста, преодоление дисциплинарных границ является неявной практикой едва ли не каждого современного специалиста.

Применительно к теме данной статьи это означает, что становление психологии повседневности необходимо рассматривать в общем контексте идей и методологических стратегий, возникающих в социологии повседневности (социология повседневных практик), антропологии повседневности (этнографический метод), истории повседневности (стратегии микроанализа) и т.п. «…Материала много, он крайне разнообразен и на первый взгляд кажется общеизвестным» [Арьес, Дюби, 2017, с. 6].

Появление новых исследовательских направлений в эволюции науки обусловлено тремя факторами: общей логикой развития знания, особенностями конкретной социокультурной ситуации и охватывающим научное сообщество тем или иным эпистемологическим поворотом. С этих позиций *психология повседневности как трансдисциплинарное и полипарадигмальное научное предприятие возникает в том познавательном контексте, где психологическое знание устремляется поверх дисциплинарных границ, а феномен человека обретает многомерность в осмыслении и переработке опыта смежных наук.* Историко-методологическими предпосылками рождения психологии повседневности здесь становится появление антропологической оптики как способа интерпретации реальности с позиций поворота к человеку, изучения его субъективности и разнообразия стилей жизни; социокультурными предпосылками служат общая гуманизация культуры и аналитика ведущих трендов цивилизационного развития; эпистемологические предпосылки задают трактовку современности с позиций феноменологии транзитивности, разнообразия и сложности.

Психология повседневности как новое исследовательское направление рождается на рубеже веков, на перекрестке смешивающихся методологических стратегий и междисциплинарных идей, позволяющих изучать современность в охвате восходящих и нисходящих потоков амбивалентного опыта; разнообразия культурно-психологических реальностей; вновь изобретенных традиций; сконструированных жизненных миров; латентных культурных практик; текущих трансформаций субъективности (см.: [Мертон, 1994; де Серто, 2013; Элиас, 1990; Хобсбаум, 2000; Hobsbawm, Ranger, 2003]). Отметим, что наиболее крупные концептуальные прорывы произошли в социологии повседневных практик – на пути построения той социологии, которая устремилась от измерительных стратегий в сферы культурного, исторического и антропологического опыта. Так, В.С.Вахштайн обращает внимание на крайне плодотворный союз немецкой традиции философской феноменологии с ее идеями «жизненного мира» как плавильного тигля субъективности и этнографической практики американских культурно-антропологических исследований (см.: [Вахштайн, 2013]). Именно этот союз теории и практики, идеальных типологических моделей и культурного разнообразия привел к появлению социологии повседневности.

В книге «Изобретение повседневности» М.Серто подчеркивает, что интерес к повседневной жизни парадоксальным образом появляется там, где нарастает интенсивность изменений [де Серто, 2013]. Приручая повседневность, обустраивая жизненный мир, люди создают ту стабильную среду, которая противостоит непредсказуемости, турбулентности и волатильности трансформаций. Таким образом, *актуальность появления психологии повседневности фундирована общей ситуацией транзитивности и поиском новых способов жизни в трансформирующемся мире.*

С позиций роста транзитивности, разнообразия и сложности первое положение психологии повседневности может быть сформулировано следующим образом: для постижения изменений субъективности человека необходимо учитывать не только меняющийся контекст его существования,

но дифференциацию и множественность жизненных миров, в которых укоренен данный индивидуум, а также их отражение в его сознании. В этом ракурсе успешной методологической стратегией для изучения трансформаций субъективности, феноменологии множественной идентичности и разнообразия стилей жизни являются прежде всего *конструктивистские подходы.* Помимо этого, конструктивизм становится ответом на вызов транзитивности – как в методологии, так и в повседневной практике. На передний план здесь выходят идеи о том, что интерпретации реальности меняют саму реальность. Так, согласно теореме У.Томаса, если люди определяют свои жизненные ситуации как реальные, они и становятся таковыми по своим последствиям («If men define situations as real, they are real in their consequences» [цит. по: Merton, 1995]).

Второе положение касается взаимосвязи индивидуальных стратегий бытия и конструирования новых стилей жизни с динамикой как малых сообществ, так и больших социальных групп, локальных и глобальных трансформаций культуры, что создает не просто сложную, но и хаотичную картину современной субъективности [1]. В методологическом плане это предполагает возрастающий в такого рода анализе *фактор ситуативизма*, где картина бытового поведения человека представляет синтез его установок и личностных качеств, глобальных социокультурных трендов и локальное влияние непосредственной ситуации. Ситуативизм в качестве исследовательской стратегии широко представлен как в социологии, так и в психологии (см.: [Гарфинкель, 2007; Гришина, 2012; Mischel, Shoda, 1995; Mischel, 2004]).

Третье положение: повседневность открывается нашему анализу как *современность*, что само по себе требует от психологической науки проблематизации и размышлений о том, какие философские и общенаучные концепции современности актуальны для психологической науки. Эпистемологическая сетка перехлестывающихся и смешивающихся конструктов позволяет здесь изучать взаимопревращения субъективности и повседневности, множественной идентичности и текущего социокультурного пространства с позиций их динамики, разнообразия и сложности, а на помощь традиционному инструментарию психологии приходит обретающий статус трансдисциплинарного *этнографический метод*. Ключевым фактором для анализа современности становится способность к аккомодации взгляда (сопоставление и интеграция разных уровней анализа – пресловутых «телескопа» и «микроскопа»), к конструированию и смешиванию исследовательских оптик.

Повседневность как новая социальная реальность: трансформация представлений

Основные черты трансформации современного мира обсуждаются сегодня едва ли не в каждой проблемной статье. Для характеристики современности изобретен акроним VUCA, соединивший понятия «волатильный» (volatile), «неопределенный» (uncertain), «сложный» (complex) и «неоднозначный» (ambiguous) [Фейдл и др., 2015]. Наряду с этим префикс «транс» объединил ряд фиксирующих новые тенденции терминов: транзитивность, транспарентность, транснациональность, транскультурализм, трансдисциплинарность, трансгрессия, трансгендер, трансгуманизм и т.п.

Состояние транзитивности переживается также как кризис системы образования. Мир больше не делится на специалистов узкого и широкого профиля: первые обладали глубокими познаниями, имеющими весьма ограниченные области применения; вторые отличались широтой кругозора, не подкрепленной сильными компетенциями (hard skills); но в современном мире все более востребованы «универсалы», интегрирующие разные познавательные сферы, способные сочетать глубину анализа как с широтой охвата проблемного поля, так и с анализом быстро меняющихся ситуаций. «Сегодня важны любопытство, открытость новому и создание связей между идеями, которые прежде казались не связанными друг с другом, а для этого необходимо иметь представление о различных областях знаний, …и быть восприимчивым к новой информации» [Там же. С. 20].

В этой ситуации конгломерат разнородных идей служит эвристическим компостом для формирования новых представлений, при условии, что фундаментальное образование в определенной области остается тем внутренним стержнем, на который нанизываются трансдисциплинарные знания.

Коснемся ряда общенаучных идей, имеющих, на наш взгляд, значимые последствия для трансформации повседневности. Согласно А.В.Маркову, именно *1980-й является вехой, годом*

рождения повседневности. «В науке совершается окончательная переориентация с масштабных проблем энергетики и машиностроения на биологические и медицинские проблемы» [Марков, 2014, с. 19]. Возникает информационное общество, его маркером становится производство бытовых микроустройств, новая культура коммуникации. В 1980-е методология конструктивизма сделалась латентным фактором социального поведения. Именно эти годы показали, что незначительная социальная активность в сочетании с изменением восприятия («резкой переменой угла зрения на события») способна сдвинуть структуры, казавшиеся прежде незыблемыми. «Повседневность начинает торжествовать: обычаи малой группы в поворотные времена могут остаться незамеченными, а в глухие времена морального упадка конца холодной войны – выйти на первый план» [Там же. С. 28].

В последней четверти XX в. широкое применение в социологии, психологии, биологии, политологии, исследованиях искусственного интеллекта получают *теории игр* как математически обоснованные стратегии поиска оптимальных решений. Немецкий экономист О.Моргенштерн и венгерский математик Дж.фон Нейман изучали стратегии поведения в условиях конфликта и сотрудничества (см.: [Моргенштерн, фон Нейман, 2012]). Затем Дж.Нэш ввел в интеллектуальный дискурс *представление об играх с нулевой и ненулевой суммой* (см.: [Брамс, Тейлор, 2002]). Классическим примером игры с нулевой суммой являются социальные конфликты и войны, где выигрыш одной стороны влечет соответствующий проигрыш противника. Игрой с ненулевой суммой выступают кооперативные практики партнерства и торговли, где в результате успешной сделки в выигрыше остаются обе стороны.

С позиции этих представлений эволюция XX в. предстает как *движение от парадигмы конфликта – к парадигме договоров и кооперации;* от мировых войн – к транснациональной экономике. При этом результатом неоднородности социокультурного пространства становятся риски оценивать изменившийся мир в понятиях и схемах уходящей парадигмы (распространенные в массовом сознании теории заговоров, случаи конспирологического мышления). Сознание обывателя «гораздо комфортнее чувствует себя среди воображаемых саг о закованных в границы суверенных культурных образованиях, чем среди плюралистической и подчас хаотической смеси торговых обменов, военных столкновений, пересечений границ и бессобытийного сосуществования, которые и составляют по преимуществу человеческую историю» [Современные тенденции…, 2004, с. 63].

Английский социолог К.Кумар, описывая современность, выделяет в ней тенденции индивидуализации, дифференциации, рациональности, экономизма, экспансивности (расширение социокультурного пространства повседневности за счет мобильности и разнообразия жизненных форм), мозаичности массовой культуры, где перемешаны разные стили жизни и социальные практики. *Индивидуализация* подчеркивает значимость в современном мире автономии личности; уровни развития и образования последней нашли отражение в понятиях «человеческий капитал» и «качество жизни». *Экономизм* означает, что те проблемы, которые еще в первой половине XX в. разрешались военными столкновениями, сегодня преодолеваются посредством торговли и сотрудничества. Экономика сделалась доминантой устройства современного общества в отличие от былых времен, где решающую роль играли отношения кланов, религиозная жизнь, завоевания и милитаристские практики [Kumar, 1995].

Немецкий социолог Н.Элиас в исследовании «Общество индивидуумов» обратил внимание на превращение *парадигмы конфликта* (сформулированной в трудах Т.Гоббса, Дж.Ст.Милля, Г.Спенсера) в *парадигму взаимопонимания*, показывая, как в трактовке социального развития идеи социальной борьбы и противопоставления личности и общества сменялись представлением об обществе как социально сотканной сети взаимозависимостей. В книге «О процессе цивилизации» он наглядно продемонстрировал, каким образом новые нормы повседневной жизни поменяли человеческую социальность, понуждая учитывать в поведенческих стратегиях интересы и потребности других людей (ведя цивилизацию к пресловутой «банальности добра») [Элиас, 2001].

Сравнение интеллектуальных стилей классической, неклассической и постнеклассической рациональности также выявило в эволюции науки постепенный транзит от установки на конфликт с иными подходами – к парадигмальной толерантности, солидарности и трансдисциплинарности знания; в социокультурном плане – от подозрительности к социальному доверию; в сфере эпистемологии – от тотальности к ситуативному анализу [Гусельцева, 2015]. Таким образом, мы

обнаруживаем глобальность данного тренда, выразившегося как в трансформациях экономического поведения, так и в рождении новой субъективности.

Децентрализация власти, отказ от миссионерства и универсализма – еще одна черта современности – состояния, наступившего не для всех, но имеющего логику устойчивого тренда. «Регулярность человеческих поступков, сохранение и воспроизводство рутины совместной жизни превосходно обходятся сегодня без мелочного вмешательства государства. С насущными нуждами, которые некогда требовали трудоемкого обеспечения общего согласия с помощью устрашения вперемежку с идеологической индоктринацией, теперь справляется рынок, который ничего так не боится, как единообразия склонностей, вкусов и верований. Вместо нормативного регулирования поведения обывателя – соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро» [Бауман, 1994].

В последней трети XX в. появляются концепции *«мягкой силы»* как стратегии достижения целей с опорой на партнерство, добровольное участие, факторы привлекательности и симпатии, что разительно отличалось от «жесткой силы», использующей прямое насилие и практики принуждения. Идеи «мягкой силы», с одной стороны, вписывались в становящуюся парадигму транснациональности и планетарной солидарности, с другой – восходили к древнекитайской философии (см.: [Малявин, 2010]). Термин «мягкая сила» (soft power) ввел Дж.Най [Най, 2006], хотя представления о «культурно-идеологической гегемонии», приходящей на смену политики угроз и конфликтов, развивал еще незаслуженно забытый итальянский философ А.Грамши [Грамши, 1991].

Наряду с этим американский социолог М.Грановеттер сформулировал парадокс *«силы слабых связей»*.Выделяя в социальной сети коммуникаций *сильные* (родственные и дружеские), *слабые* (охватывающие соседей, коллег, знакомых) и *отсутствующие связи* (шапочные знакомства без взаимности и доверия), он показал, что в плане трансляции знания слабые связи гораздо более эффективны, нежели сильные. Последние выступают каналом информации, мало отличающейся от той, которой располагает сам субъект, тогда как слабые связи служат приумножению социального капитала, принося потоки нового опыта, а также выводя субъекта из зоны комфорта и привычки [Грановеттер, 2009].

Важным компонентом в анализе повседневных социальных практик является *феномен доверия*. В социологии и психологии доверие рассматривается как взаимоотношения, основанные на открытости, доброжелательном, сотрудничестве, уверенности в благородных намерениях и порядочности партнера. В этнометодологии социальное доверие и степень солидарности в обществе оцениваются в континууме «теплые – холодные»: в первом типе социальных взаимодействий отсутствие правил щедро компенсируется личными отношениями (что выступает, например, предпосылкой коррупции); во втором – изначальная договоренность о правилах игры облегчает решение текущих проблем, не вовлекая в деловые взаимодействия личностные факторы (см.: [Гарфинкель, 2009; Хоскинг, 2016]).

Специалист в области эволюционной и когнитивной психологии С.Пинкер обосновал глобальную тенденцию снижения насилия в качестве «фрактального феномена», несмотря на то что наша оптика (не без влияния СМИ) легко фокусируется на обратном. Переломной точкой стал век Просвещения: постепенно «людей стало тошнить от жестокости и резни в их время» [Пинкер, 2007]. Среди факторов сокращения насилия он отмечает роль государства (монополия на насилие); развитие технологий, которые косвенно способствовали повышению ценности жизни и развитию торговых отношений (коммерция выгоднее, чем война); глобализацию с ее «экспансией эмпатии» (социальная мобильность и информационная открытость способствуют переживанию единства человечества); «расширяющиеся круги сотрудничества» (инклюзия и социализация маргинальных групп; меньшинства получают право голоса и представительство; борьба оппозиционных групп происходит в форме парламентских дискуссий) и т.п. [Пинкер, 2007; Pinker, 2011].

В эту картину общей гуманизации Е.М.Шульман добавляет тенденции *феминизации* (значимость «ценностей женщин в публичном пространстве») и *демилитаризации культуры* (снижение милитаристских ценностей; место войн занял терроризм как символическое действие и точечное насилие). Рациональность, рост образования и науки способствуют тому, что просвещенные люди менее склонны к конфликтам по религиозным и идеологическим основаниям [Шульман, 2017]. Однако в мировом масштабе эти тенденции распределены неравномерно: в одних точках планеты мы

наблюдаем концентрацию гуманизма, толерантности, ценности жизни, тогда как в других – торжествуют невежество и архаичные пласты реальности. Тем не менее Е.М.Шульман подчеркивает, что распространение демократии в глобальной трансформации ценностей – прогрессивный тренд, ведущий к гуманизации повседневности и повышению общего качества жизни [Шульман, 2017].

Транспарентность, информационная прозрачность создают в повседневной жизни новые этические нормы и институты репутаций (см.: [Шульман, 2016]). Информационная открытость повышает эмоциональную сопричастность (планетарное сочувствие как «эмоциональный налог» на человечество), одновременно лишает приватности и превращает историю сетевого поведения в нестираемые информационные следы. Растворяя границы и размывая иерархии, сетевая культура становится ключевым фактором трансформации идентичности. Каждый продвинутый пользователь не только потребляет, но и производит информацию, исподволь становясь актором и творцом. В самоорганизующейся культуре наблюдаются амбивалентные тренды: так, феномены постправды и фейковые новости служат вызовом для развития критического мышления [Там же].

Анализ повседневности – это анализ современности. Современность неоднородна: связывая настоящее, будущее и прошлое, она творится из множества разнонаправленных процессов и перспектив. Повседневность создается в правильном тигле разнообразных и противоположных тенденций: скрытых и явных, туманных и четких, магистральных и маргинальных, но ведущую роль в этом процессе играет человеческая субъективность – выбор и поддержка определенных тенденций развития, предвосхищающие активности, превращающие эфемерные представления о реальности во вполне ощутимые последствия.

Повседневность как современность: ее признаки и черты

Социокультурное пространство повседневности гетерогенно, являясь источником как развития, так и потенциальных конфликтов [2]. С опорой на разные концептуальные представления, текущая повседневность включает слои архаики и неоархаики, модерна и постмодерна; образы жизни традиционных, индустриальных и постиндустриальных культур; классические, неклассические и постнеклассические интеллектуальные традиции; восходящие и нисходящие эволюционные потоки; намеренные и ненамеренные практики [Гусельцева, 2015; Зубаревич, 2017; Хаттон, 1993]. В.В.Знаков, описывая современную повседневность как многомерный мир человека, выделяет в нем уровни эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности [Знаков, 2016].

Согласно немецкому философу Э.Блоху, повседневность – открытый процесс, где фрагментарность знания о ней имеет вполне объективные основания, ибо каждое мгновение текущей жизни погружено в смуту и смятение неопределенности. Повседневность постигается целостно в ее динамике и текучести, в единстве субъективного и объективного, явного и неявного; общая картина складывается не из фактов, а из процессов, явных тенденций и скрытых латентностей, намекающих на осуществление [Блох, 2004].

Гетерогенность и неоднородность современного социокультурного пространства представлена сообществами с разными жизненными укладами, полярными картинами мира, что делает актуальным обращение к трудам Э.Блоха, исследовавшего повседневную жизнь начала XX в. и показавшего, что лишь на поверхностный взгляд люди живут в общем настоящем, в одном культурно-психологическом времени (см.: [Гусельцева, 2016]). В современности есть социальные группы, жизненным миром которых является прошлое: они широко представлены среди молодежи, в силу возрастных особенностей далекой от реальности; среди жителей малых поселений, застывших в традиционализме; среди обывателей, несущих архаический комплекс и завороженных национальными мифами и легендами. Все это примеры разрыва сознания с современностью. Здесь *современники живут в разных мирах, а гетерогенность времени и пространства порождает социальные конфликты,* которые, опираясь на концептуализации Э.Блоха, можно не только прогнозировать, но и предотвращать. В плане же изучения динамики территориальной идентичности в психологии эвристично учитывать концепцию социокультурной многомерности регионов Н.В.Зубаревич, демонстрирующую, что повседневность российского общества содержит (в одних аспектах – смешанные, в других – не пересекающиеся) пласты традиционных, индустриальных, постиндустриальных образов жизни, а также особые регионы с внутренними правилами жизни (см.:

[Зубаревич, 2017]). Таким образом, повседневность представлена множеством современностей как в исторической, так и в социокультурной перспективе. «Современный человек, особенно живущий в городе, стал менее цельным, его повседневная жизнь напоминает мозаику; чтобы составить о нем представление, приходится изучать множество систем, в которые вовлечена его жизнь» [Современные тенденции…, 2004, с. 12].

Этнографический метод, служащий созданию цельной картины реальности, так или иначе присутствует сегодня в общем инструментарии социогуманитарных наук, не исключая и психологию. Однако очевиднее всего его эффективность проявляется в анализе повседневности, где «этнография современности становится не периферийным, а …основным жанром науки о человеке, она встречает неопределенное будущее, чтобы оно превратилось в непредвзятое настоящее» [Современные тенденции…, 2004, с. 13]. Так, если представление об архаичных формах культуры обнаруживает «подлинно архаичную основу некоторых современных явлений», то этнография города вскрывает зарождение современных городских традиций [Там же. С. 12].

Cultural Studies – это не просто объединяющее название для разнородных исследований культуры, но прежде всего *новая методология;* концептуализация культуры, содержащая анализ «живых практик», позволившая, с одной стороны, включить в фокус изучения повседневности множество вещей, которые оставались за пределами внимания, с другой – соединить казавшиеся несоединимыми вещи. Повседневность открывается здесь с позиций возвращения настоящего, возвращения к настоящему. «Смещение интереса от прошлого к настоящему, от старых традиционных форм к новым – отличительная черта области, получившей название Cultural Studies» [Современные тенденции..., 2004, с. 18]. В этом ракурсе было переосмыслено понятие «традиция» [3]. Британский историк Э.Хобсбаум показал, что традиции не столько транслируются, сколько каждый раз изобретаются заново в новом контексте [Hobsbawm, Ranger, 2003], произвольно выбираются под влиянием дискурсов текущей ситуации. С анализа *изобретения традиций* эта исследовательская стратегия была успешно перенесена на *изобретение современности,* выявляя сконструированность того или иного феномена в культуре и развенчивая представления о его сакральности и непреложности.

Так, книга французского историка М.Серто посвящена повседневной жизни людей («пользователей» и «потребителей»), действующих под влиянием латентных правил, схем, установок и ожиданий [де Серто, 2013]. В анализе города как повседневного пространства он подмечает смену моделей интерпретации: например, в антропологической оптике город рассматривается с позиции производства новых образов жизни и смыслов. М.Серто исследует, каким образом субъекты в процессе социализации преобразуют, казалось бы, навязываемые им извне обычаи и культурные традиции. Не без влияния социального конструктивизма, он показывает, что наши представления и интерпретации текущей социокультурной реальности являются продуктами творчества, даже в тех случаях, когда это ускользает от рефлексии. Иными словами, *латентное производство культурных практик пронизывает современность гораздо сильнее и эффективнее, чем это обычно представляется наблюдателю.* С этих позиций социокультурное пространство превращается в живую сеть «стратегий» и «тактик». Первые охватывают деятельность институтов и структур, производящих официальный дискурс; вторые принадлежат субъекту, обеспечивая степени его свободы и создавая личное пространство. Такая исследовательская оптика позволяет фокусировать не просто различные практики жизни, но и оказывающиеся вне поля привычного внимания феномены, и именно на разрыве ожиданий основаны стратегические просчеты, афористично обозначенные: «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Культуру потребления М.Серто интерпретирует в позитивном ключе как выражение процессов индивидуализации, автономии личности и вменения активности субъекту. Субъекты потребляют не только материальные вещи, предметы обихода, но и идеи, мысли, социальные представления, нормы, модели поведения. М.Серто разводит здесь понятия «стиль» и «жанр»: если последний характеризует основные мотивации поведения, то стиль – их внешние проявления. М.Серто показывает, как повседневная экономическая жизнь города трансформировалась от модели супермаркета к открытому торговому пространству [Там же].

Итак, текущие трансформации эффективнее отслеживаются этнографическим методом. Вне этнографического анализа, обращенного к современности, общество не осознает своих изменений. Так, Д.Бутрин показывает, что до середины 1980-х гг. «в большинстве российских семей была

совершенно непредставимой ситуация, при которой каждый член семьи пользуется общим холодильником так, как ему хочется, ест в тот момент, когда ему захочется, покупает сам себе продукты, поскольку существовали еще остатки жесткой советской бытовой нормы. Семья централизованно заботится о продуктах; в семье есть всегда человек, который отвечает за продовольственное обеспечение, и он, собственно, определяет, кто и что ест в этой семье, надо договариваться с ним» [Бутрин, 2017]. В течение же трех десятилетий это поведенческие стратегии изменились радикально. «Сейчас разве что какая-то очень консервативная мать может заставить ребенка есть какую-нибудь брокколи из соображений полезности, но это всегда предмет большого скандала и большого давления» [Там же].

Таким образом, представление о том, что существует некая традиция, которая передается из поколения в поколение, – научный миф, построенный в рамках тотальности дискурса, то есть не учитывающий потоков амбивалентности, фрагментарности, сложности и разнообразия современной культуры. В свою очередь, в психологии последнее ведет к переосмыслению концепций межпоколенной трансмиссии, социализации и идентичности в свете модели транзитивного общества и текущей повседневности.

Повседневность как поток: ее изучение

Мир изменился, однако способы нашей рефлексии о нем во многом остались прежними. Если для мира модерна, осознаваемого в качестве системы, характеризующегося планом на производстве и упорядоченной, стабильной жизнью в быту, уместным был системный подход, то в реальности, где вместо плана – проект, а на смену идеи прогресса и социального оптимизма пришли неоднозначность и антиномичность трендов, исследователь испытывает проблемы с инструментарием. За феноменологией множественности, многозадачности, незавершенности прочитываются латентные изменения нормы. Реальность, складывающаяся «на манер калейдоскопических узоров», состоящая «из игры взаимных напряжений, противоречий и амбивалентностей, переговоров и торгов, пониманий и непониманий» [Бауман, 1994], требует усложнения аналитической оптики. «Повседневность как объект накладывает определенные требования и на методологический инструментарий, изменяя содержание и направленность психологического исследования. Это в любом случае уже не "научная", "лабораторная", "экспериментальная", а феноменологическая, биографическая, полевая психология» [Касавин, Щавелев, 2004, с. 289].

Иная связанная с транзитивностью проблема заключается здесь в том, что *исчезающий мир сознание стремится удержать, не успевая приспособиться к изменениям реальности, оно не видит и не признает ее, что, в свою очередь, приводит к культурно-психологической травме и ее вытеснению.* Именно с этим связано обращение современности в сторону прошлого, описываемое в понятиях неоархаики. Всякая модернизация как трансформация в современность чревата культурной травмой, и ее необходимо – средствами науки, политики, литературы, публицистики, психологии – проработать [4]. Осмысление модернизации, как в историческом плане, так и в текущей социокультурной перспективе, является актуальной темой психологии повседневности, где в общий гештальт оказываются связанными проблемы, изучаемые прежде в ракурсе отдельных наук.

В науках о культуре представления о транзитивности, сложности и разнообразии современной реальности стимулировали изменение как аналитических схем, так и терминологической практики. Социокультурные движения здесь более не подразделяют на «основные» и «периферийные», «главные» и «маргинальные», «консервативные» и «либеральные», «классические» и «упадочные»; так, многомерность и смешанность стилей жизни в современном обществе превращают понятия «чужого» и «иного» в факторы внутренней жизни, позволяя обнаружить «"другого" в самом себе и "затененной стороне" собственной жизни» [Современные тенденции…, 2004, с. 71]. Помимо этого, приходит понимание, что «любая культура в равной степени характеризуется и консервативными, и инновативными тенденциями» [Там же. С. 76], а феномены, представляющиеся маргинальными, «будучи помещенными в определенный контекст, могут сделать явным скрытое функционирование властных систем высокого уровня» [Там же. С. 77]. В социогуманитарных науках в целом на протяжении последних лет происходит смешение оптики от изучения привычных объектов, таких как общества, этносы и культуры, «на новые объекты, главным параметром которых становится изменчивость и текучесть – социальность (sociality), инаковость (alterity, otherness), этничность

(ethnicity)» [Там же. С. 84] [5].

Эволюция антропологической оптики повлекла за собой способность видеть изменения, которые исследователи фиксируют в качестве *эффекта психологически укороченного прошлого.* Так, например, «книги, опубликованные десять лет назад, воспринимаются как давняя история, пережитый этап развития дисциплинарной мысли» [Там же. С. 85]. «В этом суженном временном интервале взгляд этнографа и фольклориста, подобно взгляду физика, наблюдающего в ускорителе появление новых частиц, обнаруживает новые кратко живущие (по сравнению с "классическими") объекты: вместо мифа – страшилка, вместо притчи – анекдот, вместо былины – бытовой рассказ, вместо ритуала – только вчера родившаяся и уже уступающая новым искусам привычка» [Там же].

Социолог З.Бауман писал, что изучение текучих трансформаций требует пересмотра схем мышления. Он также подчеркивал, что изменения прослеживаются при помощи «многих и различных маркеров» [Бауман, 2008]. Как уже отмечалось, на помощь психологии здесь приходят этнографический метод и опыт антропологии повседневности.

Заключение. Повседневность как гештальт: новый взгляд

Психология повседневности возникает в ситуации востребованности трансдисциплинарного знания, полипарадигмальных подходов, смешанных методов: на перекрестке локального разнообразия изменяющейся субъективности и глобальных социокультурных трансформаций.

Сдвиги, которые переживают современная культура и субъективность, по масштабу и значению сопоставимы с трансформациями Нового времени, той эпохой, где рождались модернистские наука, государство, личность: современность как таковая. Однако если минувшие трансформации изучаются по имеющимся источникам, то текучие изменения скрыты от наших глаз, в лучшем случае намечены пунктиром. Само название «постсовременность» лишь указывает на разделяющую большие циклы трансформаций черту, но не раскрывает новые реальности содержательно. Маркером цивилизационного развития общества в XXI в. является тот факт, что доминанты «государство» и «война» постепенно уступают «человеку» и «творчеству», – однако это происходит гетерогенно и неоднородно в масштабах планеты, тогда как зазор риторики и латентных повседневных практик обладает конструктивистским потенциалом в обе стороны: как для восходящих (опережение), так и нисходящих (подавление) трендов.

Психологии не справиться с изучением трансформирующейся социальности и субъективности исключительно внутренними средствами, наиболее эффективными способами отслеживать изменения здесь являются этнографический метод и культурная аналитика в целом. Современная ситуация благоприятствует такого рода исследованиям, где психология становится частью общего антропологического поворота: интереса к человеку в науке; повышения ценности и качества человеческой жизни в культуре; реконструкции истории через призму гуманистических ценностей в образовании.

Литература

Бауман З. [Bauman Z.] Спор о постмодернизме. Социологический журнал, 1994, No. 4, 69–80, http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/106/108

Бауман З. [Bauman Z.] Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Брамс С.Дж., Тейлор А.Д. Делим по справедливости, или Гарантия выигрыша каждому. М.: Синтег, 2002.

Блох Э. Марксизм и поэзия. Космополис, 2004, 4(10), 134–141.

Бутрин Д. Новый человек. Курс лекций, 2017, https://openuni.io/course/5-course-4/lesson/1/

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий. Социологическое обозрение, 2009, 8(1), 3–25.

Грановеттер М. Сила слабых связей. Экономическая социология, 2009, 10(4). https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf

Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf

Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения. Психологические исследования, 2012, 5(24), 2. http://psystudy.ru

Гусельцева М.С. Разработка проблемы бессознательного в подходе Э.Блоха. Мир психологии, 2016, No. 2, 137–150.

де Серто М. [de Certeau M.] Изобретение повседневности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Зубаревич Н.В. Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. Екатеринбург: УГЭУ, 2017.

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.

Марков А.В. 1980: год рождения повседневности. М.: Европа, 2014.

Мертон Р.К. Явные и латентные функции. В кн.: В.И. Добреньков (Ред.), Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Мос. гос. университет, 1994, 379–447.

Моргенштерн О., фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение. М.: Книга по Требованию, 2012. http://static.my-shop.ru/product/pdf/128/1278675.pdf

Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.

Современные тенденции в антропологических исследованиях. Антропологический форум, 2014, No. 1, 6–101.

Федотова В.Г. (Ред.). Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. М.: Институт философии РАН, 2010.

Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырёхмерное образование: Компетенции, которые нужны для успеха. Центр перепроектирования учебных программ, Бостон: MA, 2015. http://klever-ok.ru/wp-content/uploads/2016/11/SKOLKOVO_SEDeC_4D_Education.pdf

Хобсбаум Э. Изобретение традиций. Вестник Евразии, 2000, No. 1, 47– 62.

Хокинг Дж. Доверие: История. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Шульман Е.М. Краткая история политического насилия. Лекторий «Прямая речь». 27.09. 2017. https://www.youtube.com/watch?v=SzYCBAQQ-t

Шульман Е.М. Этические нормы будущего. Доклад в лектории Московского музея современного искусства от 21.12.2016 г. https://www.youtube.com/watch?v=8S8UT2208M8

Элиас Н. Общество индивидуумов. М.: Праксис, 2016.

Hobsbawm E., Ranger T. (Eds.). The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Merton R. The Thomas Theorem and The Matthew Effect? Social Forces, 1995, 74(2), 379–424, http://www.garfield.library.upenn.edu/merton/thomastheorem.pdf

Mischel W. Toward an integrative science of the person. Annual Review of Psychology, 2004, Vol. 55, 1–22.

Pinker S. The Better Angels of Our Nature. Why Violence Has Declined. New York, NY: Viking, 2011.

Примечания

[1] Обращу внимание на нюансы использования понятий. Если субъектность – характеристика действий субъекта во внешнем социальном мире, устанавливающая границы этих взаимодействий, то субъективность выражает индивидуальные особенности, неповторимость и уникальность внутреннего мира; это культурно-антропологическая характеристика человека. «Мы конституированы в соответствии с определенными формами субъективности, типами нормативности и знания, которые являются историческими» [Фуко, 1996, с. 437]. Он же ввел термин «субъективация» – процесс конституирования субъективности.

[2] «...До сих пор остаются (судя по публикациям, основанным на полевых исследованиях) области в сельской России, где народные представления и по сей день сохраняются в том виде, в каком они были зафиксированы этнографами в девятнадцатом веке» [Современные тенденции…, 2004, с. 63].

[3] «Понятие традиции сохраняет свою ценность и сегодня, однако необходимо помнить, что в рамках той или иной культуры существует множество конкурирующих между собой дискурсов, в рамках каждого из которых существует свое представление о том, в чем должна заключаться традиция» [Современные тенденции..., 2004, с. 19].

[4] «Мне кажется, русские привыкли к меняющимся представлениям о том, что составляет их "традицию": достаточно посчитать, сколько раз переписывалась история в соответствии с требованиями очередной доминирующей идеологической концепции» [Современные тенденции..., 2004, с. 19].

[5] Также заслуживает внимания другая тенденция: «от описания этнической традиции в целом к описанию традиции отдельной деревни, а затем и мировосприятия одного конкретного человека – вот смена стандартов, произошедшая в третьей четверти XX в.» [Современные тенденции..., 2004, с. 30].

Поступила в редакцию 29 сентября 2017 г. Дата публикации: 29 декабря 2017 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, ГОУВПО Московский государственный областной университет, ул. Радио, 10А, 105005 Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, ул. Черняховского, 9-1, 125319 Москва, Россия.
E-mail: mguseltseva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0545-0612

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru
Гусельцева М.С. Текучая повседневность: маркеры изменений. Психологические исследования, 2017, 10(56), 3. http://psystudy.ru

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Текучая повседневность: маркеры изменений // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 3. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1496-guseltseva56.html

К началу страницы >>